

Галимова Ольга Николаевна

**ОДНОЗНАЧНОСТЬ И МНОГОЗНАЧНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗООЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)**

В статье исследуется развитие семантики некоторых зоологических терминов. Для определения семантических изменений к анализу привлекаются древнетюркские источники, терминологические словари и учебная литература. Исследование зоонимов в диахронном аспекте позволило выявить важную характеристику названий животных – стремление к моносемантичности в пределах терминосистемы, с одной стороны, к полисемии – с другой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 41-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'373.221

Филологические науки

В статье исследуется развитие семантики некоторых зоологических терминов. Для определения семантических изменений к анализу привлекаются древнетюркские источники, терминологические словари и учебная литература. Исследование зоонимов в диахронном аспекте позволило выявить важную характеристику названий животных – стремление к моносемантической в пределах терминосистемы, с одной стороны, к полисемии – с другой.

Ключевые слова и фразы: зоологическая терминология; термин; терминосистема; зооним; семантика; однозначность; многозначность.

Галимова Ольга Николаевна, к. филол. н.

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
Olgan_77@mail.ru*

ОДНОЗНАЧНОСТЬ И МНОГОЗНАЧНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗООЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)©

В процессе развития лексической системы в семантической структуре слов происходят различные изменения. Большой интерес представляет исследование семантических изменений лексических единиц, в том числе и терминов, в диахронии. Результаты таких исследований способствуют выявлению общего и специфического в родственных языках, раскрытию особенностей развития языка в целом и отдельных терминосистем в частности.

Как известно, одной из существенных характеристик термина является однозначность (симметрия знака и означаемого). Считается, что требование моносемантической естественно для научно-технической терминологии, так как однозначное соотношение означающего с означаемым придает информации необходимую точность [15, с. 43]. Основная часть зоологических терминов – названий животных – отвечает этому требованию, что объясняется потребностью точного номинирования, обозначать каждый отдельно взятый вид одним словом. Однако отдельные единицы в период формирования и развития терминосистемы были полисемантами. Таковым является, например, инсектоним *чикерткэ*. Еще у М. Кашгари лексема *čekürge* употребляется в значении ‘саранча’ [10, с. 143]. В тюрко-арабском словаре *čekirge*, в «Ат тухфа...» *čäkürge*, *čägürtigä*, в «Нахдж ал-Фарадис» *čägürkä*, в арабско-тюркско-татарском словаре *очук чәкердек* имеют значение «саранча» [12, с. 114; 17, с. 217]. В большинстве тюркских языков лексема является моносемантом: кум. *увакь ченгертки*, баш. *сиңерткэ*, тув. *шерги*, хакас. *сарысха*, ног. *шегертки*, узб. *чигиртка*, шор. *шарыткаш*, тркм. *чекиртге*, балк. *сенгирчке*, уйг. *чикәткә*, яз. турок Казах. *чәкүржәк* ‘сверчок’; кумык. *ченгертки*, *женгертки*, аз. *чәйирткә*, каз. *шегертке*, тел. *чәгүрткә*, джагат. *чавырыткан*, тар. *чәкәткү* – ‘саранча’; диал. черн. тат. *сеньирткеш* – ‘стрекоза’. Тур. *çekirge*, кирг. *чигертки*, *شکورته* [8, с. 483] зафиксированы в значениях «саранча, кузнечик».

В «Тәржемәте хяят-эл-хайван» *чикерткэ* представлена в значениях «кузнечик» и «саранча» [30, б. 394, 484, 264]. В двуязычных словарях татарского языка лексема имеет семантику ‘сверчок’ [9, с. 46] и ‘саранча’ [16, с. 51; 26, с. 30]. Полисемантическая лексема отражается и в народных пословицах: *чикерткәдән курыккан иген икмәс* ‘кто боится саранчи, не станет сеять хлеб’ и *чикерткәнең аты ни дә боты ни* ‘что название кузнечика, что сам кузнечик’. Производные этого слова *иген чикерткәсе* ‘саранча’ [21, с. 62], *жир чикерткәсе* ‘кобылка’, *өй чикерткәсе* ‘сверчок’ [5, с. 85], *сикергеч чикерткә* ‘сверчок’ [33, б. 62], *үлән чикерткәсе* ‘кузнечик’, *ашлык чикерткәсе* ‘саранча’ [5], *туз чикерткә* ‘кобылка’ [9], *аю чикерткә* ‘медведка’ [13, б. 65] также свидетельствуют об употреблении рассматриваемой лексемы в качестве общего названия насекомых отряда прямокрылых. См. тж: тур. *кідже чікркәсі* ‘сверчок’ [8, с. 483], баш. *өй сиңерткәһе* ‘сверчок’, каз. *көк шегіртке* ‘кузнечик’, *қара шегіртке*, *шыйқылдауқ шегіртке* ‘сверчок’, кирг. *кара чегиртке* ‘сверчок’.

Лексема *саранча* также имеет фиксацию в словаре М. Кашгари в значении «саранча; кобылка», в тюрко-арабском словаре (XIII в.) и «Ат-тухфа...» – «саранча» [10, с. 488; 13, б. 114; 18, с. 184]. Однако в словарях XIX в. – начала XX в. она не встречается. Возможно, этот факт объясняется тем, что «название сранчи могло подвергаться табу» [35, с. 213]. По данным нашего анализа, начиная с 20-30-х годов XX века за термином *чикерткэ* закрепляется значение «кузнечик», а *саранча* утверждается в значении «саранча», о чем говорит их употребление в зоологической литературе и терминологических словарях, а также образование названий подвидов с компонентом *чикерткэ*: *өй чикерткәсе* ‘кузнечик домашний’, *яшел чикерткә* ‘кузнечик зеленый’ [13, б. 65], *канатсыз чикерткә* ‘кузнечик бескрылый’ и др. [22]. Исключение составляет *фәс чикерткәсе (саранчасы)* ‘мароканская кобылка’ [2]. Близость значений рассматриваемых лексем сохраняется еще и в 70-е годы XX века. Например, в «Русско-татарском сельскохозяйственном терминологическом словаре» (1971 г.) термин *прус* толкуется инсектонимами *саранча, чикерткэ*.

Инсектоним *чебен* фиксируется также в нескольких значениях: *čibin* ‘муха; комар’, *čigün* ‘муха, комар’ [10, с. 145, 147], в «Тюрко-арабском словаре» – *сіңек* *سنگك* ‘комар’ (*сіңек* ‘муха’ – в языке горожан, ‘комар’ –

в языке кочевников), *чыбын* چىبىن ‘муха’ [17, с. 188, 219], в СС *çibin* [цыбын] ‘муха’ [19, с. 144], в «Ат-тухфа...» *шибин* ‘муха’ [12, с. 129]. В алт. *чымын*, ккалп. *шыбын*, кумык. *жибин*, ног. *шыбын*, кирг. *чымын*, شيبين [8, с. 468], узб. *чибин*, каз. *шыбын*, уйг. *чибин*, кбалк. *чибин*, баш. *чебен*, чулым. *цымын* ‘муха’ [20, стлб. 207]; тур. چىن ‘комар’ [8, с. 468], тоб. *çibin* ‘комар’ [Там же, стлб. 210], тат.д. *цебен* / *цыбын* ‘комар’ [25, с. 93-94]; тат.д. *чебен* ‘мошка’ [Там же]. В работах XIX в. *чебен* употребляется в значениях «комар» [4, с. 41] и «муха» [5, с. 85; 26, с. 38].

Дериваты *чебен* означают комара, мошку а также различных видов мух: кум. *сюйрюжибин* ‘комар’ [14, с. 104], каз. *قىرىچىبىن*, *قىرىچىبىن* ‘мошка’ [8, с. 468], баш.д. *ырашкы себен* ‘большая муха синего цвета’, *ياشيل چىبىن* ‘шпанская (зеленая) муха’ [Там же], тат.д. *одонайақ чебен* ‘комар’, *қара чебен* ‘муха’, *каз чебен* ‘мошка’ [25, с. 93-94], *черки чебен* ‘комар’ [21, с. 62].

В учебной зоологической литературе и терминологических словарях 20-30-х годов XX века *чебен* употребляется только в значении «муха», в значении «комар» утверждаются термины *озынборын*, *черки*. Моносемия *чебен* отразилась и названиях подвидов: *кэбестэ чебене* ‘муха капустная’, *өй чебене* ‘муха домашняя’, *чәнчэвек чебен* ‘муха-жигалка’ [13, б. 177], *испан чебене* ‘муха испанская’, *ужым чебене* ‘муха озимая’, *шытым чебене* ‘муха ростковая’ [22]; *гади черки* ‘комар обыкновенный’, *бизгэк черкие* ‘анофелес’ [13, б. 183]. Синонимичное употребление *иген черкие* и *гессен чебене* объясняется калькированием их из русских терминов *хлебный комарик* и *гессенская муха*.

Лексема *черки*, по замечанию составителей «Русско-татарского сельскохозяйственного терминологического словаря» [23], употребляется у татар близ Уфы. «Татарско-русский словарь» фиксирует это слово как разговорное [29], «Русско-татарский словарь» – с семантикой «мошка» [24]. Это же значение оно имеет в работах второй половины XIX - начала XX в.: *черки* ‘мошка’ [5, с. 85; 16, с. 51; 26, с. 30] и в учебной литературе 20-30-х годов; а в значении «комар» в них фиксируется *озын борын*. В современной зоологической учебной литературе и «Биологическом русско-татарском толковом словаре» [6] в значении «комар» представлена одна лексема – *озынборын*. Название подотряда и названия подвидов образуются от данного инсектонима: *озынборыннар* ‘комары’, *бизгэк озынборыны* ‘анофелес’, *яңгыравык озынборыннар* ‘комары звонцы’, *озынаяклы озынборыннар* ‘комары долгоножки’, *безелдэвек озынборын* ‘комар-пискун’. Таким образом, в терминосистеме инсектоним становится моносемантом. В современной зоологической терминологии *чебен* утвердился в значении «муха», а в значении «комар» функционирует термин *озынборын*.

Для XIX – начала XX века характерна закреплённость семантики «черепаша» за зоонимами *гөберле бака* [5, с. 86; 21, с. 62; 26, с. 30; 27, с. 38; 31, с. 133], *таш бака* [3, с. 91; 33, с. 13] / *ташбака* [30, с. 392], *кабыклы бака* [11, б. 81], *кара курбага* [32, с. 77]. Из вышеперечисленных названий в терминосистеме закрепились *гөберле бака* и *ташбака*, но в двух разных значениях – «жаба» и «черепаша» соответственно. Лексемы, возможно, относятся к поздним образованиям. В рассматриваемых значениях у М. Кашгари зафиксированы *тійүз бақа* ‘черепаша’, *қирвақа* ‘лягушка; жаба’ [10, с. 354, 467], в среднеазиатском тефсире – *қирбаха* ‘лягушка’ [7, с. 209], в «Ат тухфа...» *бага* ‘лягушка; морская черепаха’, *қабарчақлы бага* ‘черепаша’ / *қабаршақлы бага* ‘черепаша; морская черепаха’ [13, б. 137, 145, 170, 275] (от *қабарчақ* ‘сундук’ + *бага* ‘лягушка; морская черепаха’). В современных тюркских языках в значении «черепаша» функционируют баш. *гөбөргәйел*, каз. *тасбақа*, кирг. *ташбака*. Лексема *гөберле бака* или ее фонетические варианты в значении «жаба» в тюркских языках нами не обнаружены. В этом значении отмечены каз. *қурбақа*, кирг. *курбака*, باقه *توسناعا* [8, с. 234], кбалк. *қурбақа*, *бақа*, тур. *قرا باعه* [Там же, с. 468].

В зоологической учебной литературе начала XX века употребляются оба названия: в «Тәржемәте хәят-әл-хайван» – *ташбака* ‘черепаша’, *су ташбакасы* букв. ‘водяная черепаха’, в «Белек хәзинәсе» Р. Атнабаева – *ташбака* ‘черепаша’ и *гөберле бака* ‘жаба’, в «Тарих табиғый» Н. А. Износкова – *ташбака* ‘черепаша’. Таким образом, мы можем утверждать, уже в начале XX века в зоологической литературе за термином *гөберле бака* начинает закрепляться одно значение, в 20-40-е годы дифференциация значений утверждается и в плане новообразований: *ташбака* ‘черепаша’ – *дала ташбакасы* ‘степная черепаха’, *сазлык ташбакасы* ‘болотная черепаха’ и др.

Интересными являются изменения в семантике лексемы *корт* и, в связи с этим, парадигматические отношения, в которые она вступает. В памятниках древнетюркской письменности *qurt* – ‘дикое животное; волк; насекомое; червь’ [18, с. 415], у М. Кашгари *qurt* – ‘червь; волк’ [10, с. 468-469], в СС *curt*, *kurt* – ‘червь’ [19, с. 109], в «Тюрко-арабском словаре» *قرط* – ‘червь’ [17, с. 169], в «Ат-тухфа...» *курт* – ‘червь; моль’ [12, с. 138, 347] в тефсире *курт* – ‘зверь’ [7, с. 218]. В значениях «червь, личинка» лексема характерна для алт. *курт*, ккалп. *қурт*, тув. *курт*, кумык. *хурт*, уйг. *курт*; в значении «червь» – для хак. *курт*, кирг. *курт*, узб. *курт*, каз. *құрт*, аз. *гурд*, тур. *курт*, шор. *курт*, кбалк. *кьурт*; в значениях «гусеница, личинка, червь, пчела» – для баш. *корт*, чув. *хурт*, в значении “волк” – для тркм. *гурт*.

В словаре А. Троянского *күрд* – ‘волк’ [32, с. 87], Н. Атнометева *корт* – ‘червь’, ‘волк’ [4, с. 56, 57], у Абд Эль Рахмана Челеби *курт* – ‘волк’ [1, с. 37], в «Тәржемәте хәят-әл-хайван» *корт* – ‘волк’ [30, б. 43]. Отметим, рассматриваемая лексема в них употребляется параллельно с *буре* ‘волк’, что отражается и в составных терминах *жаллы корт* / *жаллы буре* ‘гиена’. *Qurt* ‘волк’ относится к огузскому словоупотреблению. Поэтому активизация и закрепление в терминосистеме синонима *буре* ‘волк’ представляется естественным. Тем самым *корт* утрачивает одно из своих значений. А значения «насекомое» и «червь» остаются актуальными [4, с. 56; 5, с. 86; 9, с. 46; 16, с. 51; 26, с. 30; 30, б. 377, 392]. То, что дериваты *корт* означают в большинстве случаев различных видов насекомых: *بال قورت*, *اشك قورت* ‘мокрица’, *يفك قورت* ‘шелковичный червяк’, *قورت*, *قورت*, *قورت* ‘тарантул’, *اگач قورت* ‘гусеница’, *قورت*, *قورت* ‘пчела’, *قورت*, *قورت* ‘матка пчел’, *قورت*, *قورت* ‘трутень’, *قورت*, *قورت* ‘светляк’, *قورت*, *قورت* ‘личинка’ [21, с. 62], *كوم قورت* букв. ‘песчаный жук’, *قورت*

‘тарантул’, *куп аяклы корт* ‘многоножка’ [30, б. 377], *яз корты* ‘майский жук’ [11, б. 112], *усак корты* букв. ‘осиновый жук’ [3, б. 30] показывает активное употребление термина в значении «насекомое». Тенденция к моносемантности *корт* проявляется в 20-30-е годы XX в., что было связано с активизацией синонима *суалчан*, зафиксированного еще в древних источниках: *суалчаннар* ‘черви’ [13, б. 42; 34, б. 43], *алкалы суалчаннар* ‘кольчатые черви’, *ясы суалчаннар* ‘плоские черви’, *яңгыр суалчаны* ‘дождевой червь’, *жир суалчаны* ‘земляной червь’, *кыл аяклы суалчаннар* ‘щетоногие черви’, *бавыр суалчаны* ‘двурот печеночный’ [13, б. 42], *керфекле суалчаннар* ‘ресничные черви’, *божралы суалчаннар* ‘кольчатые черви’ [36, с. 43] и др.

Стремление к идеалу – взаимооднозначному соответствию содержания и выражения в пределах терминосистемы – обнаруживается при диахронном исследовании семантики терминов *кублэк* ‘бабочка; мотылек’, *дуңгыз* ‘свинья; кабан’. Случаи отклонения от однозначности в зоологической терминологии единичны. Полисемии терминов способствовало развитие биологической науки и переводческой практики. Например, у ихтионима *эт балык* ‘вьюн (рыба отряда карпообразных)’ в 70-е годы XX века в переводной научно-популярной литературе появилось новое значение ‘рыба-собака (рыба семейства губановых)’, которое получило словарную фиксацию в 1998 году [6]. Термин *еланбалык* до недавнего времени имел лишь значение ‘угорь (рыба семейства угревых)’. Употребление ихтионима в художественной литературе в новом значении – в значении ‘мурена (рыба семейства муреновых)’, с одной стороны, является примером использования возможностей родного языка в номинировании реалий окружающего мира, с другой – способствуют развитию полисемии. Многозначность свойственна и терминам классификации, где должна быть максимальная точность не только при распределении живых организмов в определенные группы, но и терминовании их. Например, полисемантами являются термины *керфеккорсаклылар* ‘брюхоресничные’ 1) название отряда ресничных инфузорий; 2) название класса первичнополостных червей; *шикэгаяклылар* ‘веслоногие’ 1) название подкласса ракообразных; 2) название отряда птиц; *канэчкечләр* 1) ‘вампиры (название семейства руконогих)’; 2) ‘кровососки (название семейства двукрылых)’.

В целом, как показывает наш анализ, общеупотребительные слова-полисеманты в рамках терминологического поля стремятся к моносемантности, что отражается и в семантике производных, а термины развивают новые значения. Такая особенность терминологии является, на наш взгляд, показателем постоянно развивающейся системы.

Список литературы

1. Абд-Эль Рахман Челеби Крым-Ховаджа. Татарско-русские разговоры. С присоединением к ним пословиц, басен, образцов для склонений и спряжений татарских слов. Казань: Типогр. Н. Коковина, 1848. 151 с.
2. Атамалар сүзлеге сериясенән II кисәк (авыл хужалыгы һәм урманчылык атамалары). Казан: Татиздат, 1931. 82 б.
3. Атнабаев Р. Белек хэзинәсе. 2 кисәк (жанварлар). Казан: Мәгариф, (елы билгесез). 36 б.
4. Атнометев Н. Букварь татарского и арабского письма с приложением слов со знаками, показывающими их выговор. СПб., 1802. 66 с.
5. Бекчурин Мир-Салих. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков. Казань: Ун-т типогр., 1859. 147 с.
6. Биологический русско-татарский толковый словарь / под ред. Ф. Г. Ситдикова. Казань: Магариф, 1998. 655 с.
7. Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тевсира. XII-XIII вв. М.: Вост. лит-ра, 1963. 366 с.
8. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: в 2-х т. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1869. Т. 1. 810 с.
9. Гиганов И. Словарь российско-татарский. СПб., 1804. 682 с.
10. Древнетюркский словарь. Л., 1969. 676 с.
11. Износков Н. А. Тарих табигый. 1 кис. Хайванат / тәрж. С. Рахманколи. Казан: Сабах, 1908. 158 б.
12. Изысканный дар тюркскому языку: грамматический трактат XIV века. Ташкент: Фан, 1978. 450 с.
13. Йосыпов Ф. Зоология дәрслеге: 2 бүлектә. Казан: Татиздат, 1930. 2-нче бүлек. 212 б.
14. Кадыраджиев К. С. Исконная лексика кумыкского языка (с точки зрения ее происхождения): дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1981. 196 с.
15. Колгина В. Ю. Системные отношения в терминологической лексике (на материале автотранспортной терминосистемы русского и арабского языков): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996. 184 с.
16. Кондратов И. Новый практический самоучитель таатарского языка. Казань: Типо-литогр. имп. ун-та, 1914. 92 с.
17. Курьшжанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века «Тюрко-арабского словаря». Алма-Ата: Наука, 1970. 234 с.
18. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
19. Махмутова Л. Т. Татарский язык и его отношение к древнеписьменному памятнику *Codex Cumanicus* по данным лексики (Краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. С. 68-153.
20. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4-х т. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1911. Т. 4. 2230 стлб. 107 с.
21. Рахметуллин А. Самоучитель татарского языка русским и русского языка татарам. Изд-е 8-е. Казань: Лито-типогр. ТД «Бр. Каримовых», 1918. 104 с.
22. Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге. Казан: Татгосиздат, 1939. 175 б.
23. Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге / төз. А. К. Тимергалин. Казан: Татгосиздат, 1971. 303 б.
24. Русча-татарча сүзлек / ред. Ф. Ә. Ганиев. М.: Инсан, 1997. 720 б.
25. Садыкова З. Р. Зоонимическая лексика татарского языка. Казань, 1994. 128 с.
26. Санинов Ш. Новый и полный самоучитель татарского языка или руководство без посторонней помощи говорить и читать русским по татарски и татарам по русски. Казань: Ун-т типогр., 1880. 130 с.
27. Салихов М. Ш. Новый самоучитель татарского языка или руководство выучиться говорить и читать русским по татарски и татарам по русски без посторонней помощи. Казань: Типогр. Имп. ун-та, 1885. 56 с.

28. Табигать һәм биология терминнары сүзлеге / ред. М. Корбан. Казан, 1935. 123 б.
 29. Татарча-русча сүзлек / ред. Ф. А. Ганиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. 462 б.
 30. Тәржемәте хәят-эл-хайван. Казан: Хажи мелла Мөхаммәд улы. 1900. Т. 1-2.
 31. Третья книга для чтения на татарском языке. Казань: Центр. типогр., 1909. 152 с.
 32. Троянский А. Полный русско-татарский словарь: в 2-х т. Казань, 1835. Т. 2. 339 с.
 33. Хәмиди И. Рәсемле гыйлем хайванат. Рөшдия мәктәпләре өчен дәреслек. 2 басма. 1 кис. Казан: Хәсәни, 1910. 124 б.
 34. Цузмер М. Я. Зоология. 6-7 уку еллары өчен д-к / тәрж. Н. Асманов. Казан: Татиздат, 1933. 243 б.
 35. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы Л, М, Н, П, С. М.: Изд. фирма «Вост. лит» РАН, 2003. 445 с.
 36. Юнусов М. Х. А. Татарский язык и грамота, изложенные на русском языке с приложением русско-татарского словаря и сведений из татарской грамматики. Казань: Типогр. ТД «Бр. Каримовы», 1903. 72 с.

**MONOSEMY AND POLYSEMY AS INDICATORS OF TERM SYSTEM DEVELOPMENT
(BY THE MATERIAL OF THE TATAR LANGUAGE ZOOLOGICAL TERMS)**

Galimova Ol'ga Nikolaevna, Ph. D. in Philology

*Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Olgan_77@mail.ru*

The author researches the semantics development of some zoological terms, in order to determine the semantic changes engages in the analysis the ancient Turkic sources, terminological dictionaries and textbooks, and tells that zoonyms research in diachronic aspect allows revealing an important characteristic of animal names - aiming at monosemy within term system, on the one hand, and at polysemy - on the other.

Key words and phrases: zoological terminology; term; term system; zoonym; semantics; monosemy; polysemy.

УДК 81.37

Филологические науки

Данная работа посвящена изучению концепта осень в разноязычных культурах в когнитивистическом аспекте. В ходе исследования предпринята попытка построения полевой модели русского концепта осень и английского концепта autumn в терминах ядра, базового слоя и периферии. Также анализируется представленность означенного концепта в языковом сознании современных носителей русского и английского языков.

Ключевые слова и фразы: полевая модель; ядро; базовый слой; периферия; ассоциативный эксперимент; языковой образ; понятийная составляющая; образная составляющая.

Грудева Елена Александровна, к. филол. н.

*Ставропольский государственный аграрный университет
elena-grudeva@yandex.ru*

**КОНЦЕПТ ОСЕНЬ/AUTUMN
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ
(НА ОСНОВЕ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)©**

В данной статье, на основе полевой модели концепта, предложенной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, рассматриваются русский концепт *осень* и английский концепт *autumn* в терминах ядра, базового слоя и периферии. При построении данной модели и изучении и описании ядра, базового слоя и периферии концепта *осень/autumn* использовались данные ассоциативного эксперимента.

Поскольку, согласно И. А. Стернину, в ядре концепта заключен чувственный образ, который кодирует концепт как мыслительную единицу в универсально-предметный код, носящий индивидуальный чувственный характер [5, с. 58], то для того, чтобы выявить чувственно-образное ядро концептов, чаще всего используются психологические методы.

Проведенный нами эксперимент включает в себя 4 части и построен таким образом, что задания каждой части последовательно раскрывают структуру данных концептов, описываемую в терминах ядра и базовых слоев. В эксперименте, проведенном среди русскоговорящих респондентов, приняли участие 100 человек, это люди разного возраста (от 18 до 50 лет), социального статуса и рода занятий. Большую часть опрошенных составили студенты и преподаватели экономического факультета Ставропольского государственного университета. В опросе англоговорящих респондентов приняли участие 46 человек, также люди разного возраста (от 16 до 65 лет), студенты и преподаватели британского колледжа *Brooke House College* (г. Маркет Харборо, графство Лестершир) и американской бизнес-школы *Haas School of Business* (штат Калифорния). Подобная методика моделирования и исследования концепта наиболее полно отражает его структуру и позволяет выявить национальные характеристики этой структуры.